

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ И КОСМОЦЕНТРИЗМ В НОВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© 2019 г. М. Н. Виролайнен

Доктор филологических наук, заведующая отделом пушкиноведения
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
virolainen@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию 3 сентября 2018 г.

ANTHROPOCENTRISM AND COSMOCENTRISM IN THE NEW RUSSIAN LITERATURE

© 2019 Maria N. Virolainen

Doctor of Philology, Head of the Department of Pushkin Studies,
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences,
4 Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
virolainen@mail.ru

Received by Editor on September 3, 2018.

В статье описана одна из закономерностей исторического движения новой русской литературы: на протяжении XVIII–XX веков последовательно сменяют друг друга периоды космоцентризма и антропоцентризма. К первым относятся XVIII век, Золотой век, Серебряный век, эпоха постмодернизма. В эти периоды литература свободна от миметического сходства с реальностью, она выстраивает собственный автономный универсум (космос), организованный по определенным законам, и вырабатывает собственный язык, отличный от общепотребительного. К периодам антропоцентризма относятся карамзинский сентиментализм, реализм XIX века, реалистическая и даже соцреалистическая литература XX-го. Выбирающая человека как меру всех вещей, литература в эти периоды сосредотачивается на жизни — душевной, социальной, религиозной, умственной, общественной; развивается, а затем расцветает психологизм; интеллектуальные, сенсорные и прочие восприятия человека становятся основой миметической функции, писатели по преимуществу остаются верны языковым значениям, совпадающим с общепотребительными. Последовательная смена этих периодов представляется процессом саморегуляции культуры как организма, который требует, чтобы резкое смещение к одному из двух центров каждый раз компенсировалось смещением к другому.

This article describes a pattern in the evolution of modern Russian literature: between the 18th and 20th centuries, periods of cosmocentrism and anthropocentrism were constantly alternating. The former include 18th century, Golden Age, Silver Age, and the era of postmodernism. In these periods, literature is free from mimetic similarity to reality; it builds its own autonomous universe organized according to certain laws, and develops its own language, different from the one commonly used. Periods of anthropocentrism are Karamzin's sentimentalism, 19th century realism, realism and even socialist-realism of the 20th century. Choosing a human being as the central point of reference, literature in these periods focuses on different aspects of life — mental, intellectual, religious, and social. Psychologism flourishes. Intellectual, sensory and other perceptions of a person become the basis of the mimetic function. Writers are, for the most part, faithful to linguistic meanings of the words that coincide with the commonly used ones. Such a sequential alternation of these periods appears to be a form of self-regulation of culture as an organism, which requires a sharp shift to one of the two focal points to be compensated each time by a corresponding shift to the other.

Ключевые слова: новая русская литература, саморегуляция культуры, антропоцентризм, космоцентризм.

Key words: Russian literature, self-regulation of culture, anthropocentrism, cosmocentrism.

DOI: 10.31857/S241377150003916-0

Представление о культуре как о живом организме, имеющее достаточно глубокие исторические корни, в XX столетии выдвигалось не раз. Бергсон включал духовную деятельность в процесс единой творческой эволюции, Шпенглер писал о культурах как организмах, проходящих все возрастные стадии, Леруа и Тейяр де Шарден вводили понятие о ноосфере в контекст геобиологии и эволюционной теории, Вернадский считал ноосферу “новым состоянием” биосферы [4, с. 19], как часть биосферы рассматривал психосферу Чижевский, Флоренский говорил о пневмосфере, в рамках которой реализуется существование “особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа” [11, с. 194–195]¹.

Казалось бы, проблема периодизации литературного процесса достаточно далека от этого круга идей. Однако, если рассмотреть ее под определенным углом зрения, выясняется, что в некоторых своих важнейших аспектах литература развивается как единый организм, проявляя характерные именно для организма свойства, в частности — свойство саморегуляции, диктующее достаточно последовательную, почти ритмичную смену доминирующих тенденций.

Чтобы описать одну из таких закономерностей, совершим беглый обзор ведущих тенденций литературного процесса трех последних столетий.

Назначение эталонной сферы, которую деятельно формировали писатели эпохи классицизма, конечно, не сводилось к представлению литературных нормативов. Главное назначение этой сферы заключалось в том, что она становилась зоной, в которой осуществлялось “идеальное самоосмысление”² национальной истории и вписанного в нее человека — зоной, оторгнутой от бытового и житейского, вознесенной над ним.

Высокое творчество предполагало особое состояние восторга, исторгающего поэта из нижней сферы и возносящего его в сферу высшую (см.: [1, с. 173–205])³. Неслучайно абсолютный пик частоты появления слова “восторг” в поэтических контекстах приходится на последнюю четверть XVIII века. В текстах Ломоносова, Сумарокова, раннего Державина и даже раннего Жуковского дух поэта должен исполниться восторгом, чувства должны быть пленены, восхищены восторгом,

который позволяет воспарить, предаться полету, тем или иным образом подняться в высшую область.

Эту область ни в коем случае не следует отождествлять со сферой сакрального, оппозиция “земное—небесное” не описывает ее специфику. Это зона все еще светской культуры, которая предстает как культурный универсум, разделившийся на два яруса: бытовой и поэтический, и только в последнем открывается возможность истинного освещения и осмысления событий, непосредственно текущих внизу. Можно сказать, что словесность формировала “эйдетический” (в платоновском смысле) уровень, с которым соотносилось “пестрообразие” жизни, и осуществляла это, не только следуя за ее течением, но и определяя его. Иными словами, литературное слово, с одной стороны, закрепляло за совершившимися событиями соответствующее государственной идеологии содержание, а с другой стороны, нередко направляло их ход. Примером может служить значение словесного творчества Феофана Прокоповича для разворачивания петровской культуры. Другим примером — “греческий проект” Екатерины II и Потемкина, опиравшийся на целый комплекс мифологизированных словесностью представлений о природе и назначении русско-греческих отношений (см.: [8, с. 31–122]). Новая культура, выделившаяся на фоне оставшегося за ее пределами национального бытия, оформлялась как замкнутый универсум, определяющим свойством которого было наличие “эйдетической” сферы, вознесенной над областью текущей жизни.

Как только дистанция между этими двумя сферами снимается, как только литературное внимание сосредотачивается на “нижней” зоне, начинается переструктурирование культурного универсума, результаты которого закрепляются Карамзиным. Теперь оказывается, что для достижения идеала требуются не исключительные состояния восторга, парения, не обращение к высоким жанрам — идеал может быть и должен быть прочно укоренен в собственном душевном мире как его константа, как его органика. Чувствительность становится областью соединения идеала и непосредственной жизни, а чувствительная душа — той срединной зоной, в которой смыкаются оба яруса, отстоявшие друг от друга в культуре XVIII века. В эту срединную зону перемещается, между прочим, и семантика восторга — этим словом, удаляющимся от своего этимологического значения, все чаще и чаще передаются душевные переживания влюбленного или иные сильные сердечные движения. Стремление отыскать средину, в которой сходятся полюса, проявляется во

¹ Письмо к В.И. Вернадскому от 21 сентября 1929 г.

² Об “идеальном самоосмыслении” петровской культуры см.: [9, с. 246–247].

³ Здесь это продемонстрировано на примере ломоносовской оды.

всем, включая литературный стиль. С поэтическим строем речи, столь отличным от бытового, может теперь конкурировать проза, ориентированная на разговорный язык образованного общества. Общий вектор развития направлен к сближению литературы и жизни.

Сентиментализм безусловно прокладывает путь к реализму, но прямого наследования не происходит. Вместо этого возникают совсем иные тенденции, ведущие к оформлению культуры Золотого века. Поэзия вновь выделяется в особую, подчеркнута автономную зону. Происходит принципиальный разрыв “мечты” и “существенности” — разрыв, на который Гоголь будет сетовать лишь позднее, в преддверии следующей эпохи. “Мечта”, понимаемая прежде всего как поэтическое воображение, заступает место “восторга” и средствами поэтического слова выстраивает совершенно особый мир, организованный по собственным, независимым от житейских законам. Его независимость обеспечена, в частности, тем, что язык поэзии быстро накапливает собственную, удаляющуюся от непосредственной речевой практики систему значений, реализуемую через топорсы, формулы, жанровые контексты. Вынесенное за пределы поэтического языка, слово утрачивает свой семантический ореол и может даже резко изменить свое значение. Так, поэтическая лень, поэтический пир, поэтическое сладострастие, поэтическое бессмертие имеют принципиально иное значение, чем те же слова, употребленные во внепоэтическом контексте. Уже одно это характеризует поэтический язык как особую и замкнутую область с широкой сетью внутренних семантических связей. В отличие от поэзии XVIII века эта область демонстративно свободна от прагматики, она обращена на самое себя и самое себя рефлектирует. “Цель поэзии — поэзия” [13, с. 167]⁴. Иногда тем же законам следует проза, например, проза раннего Гоголя. Доминантой русского Золотого века становится автономия словесности. “Мир поэзии” этой эпохи действительно является самостоятельным миром, поэтическим космосом с резко очерченными границами⁵. Нарушение этих границ знаменовало конец Золотого века⁶.

⁴ Письмо Пушкина к Жуковскому от 20-х чисел апреля (не позднее 24-го) 1825 г.

⁵ Мы знаем, как раздражался Пушкин, когда от него ждали “поэтического” поведения в бытовой жизни. Такое поведение означало бы смешение двух областей, которые должны были оставаться суверенными.

⁶ Причастными к разрушению культуры Золотого века оказались три великих автора: Гоголь, Баратынский и Лермонтов, раннее творчество которых осуществлялось по законам этой культуры.

Мир литературы снова начал резко менять свои очертания примерно в середине 1830-х годов, приближаясь к эпохе, которую мы привыкли называть эпохой реализма. Резко набирают силу тенденции, намеченные в рамках сентиментализма. Художественный текст сближается с эмпирической действительностью, а точнее — с человеком, эту действительность воспринимающим. Эту эпоху совершенно справедливо называют эпохой гуманизма: мир входит в литературу в той мере⁷, в какой он открывается человеческим сознанию и чувству. Казалось бы, наши писатели не сосредотачивались на одном только человеке, у нас были, например, прекрасные природоописатели. Но уже Лермонтов в “Герое нашего времени” психологизирует пейзажи. У Тургенева в “Записках охотника” природа живет, кажется, своей собственной дивной жизнью — но не случайно ему нужна фигура охотника, который бродит по лесам и полям, который чувствует и понимает эту жизнь природы. У Толстого дуб просыпается вместе с возрождающейся душой князя Андрея (любимый пример школьных учителей). А что не доступно человеку, не входит в зону его чувственной или умственной компетенции, того и нет. Когда приходит поколение, утратившее религиозную веру, для него ясно как день, что Бога нет. И какой бы непримиримой ни становилась в эту эпоху борьба отцов и детей, каким бы жестким ни становилось противостояние таких крайностей, как, например, эстетизм и прагматизм, мера человеческого остается неизменной для каждой из спорящих сторон. Литература более не требует от автора ни воспарить над общим кругом жизни, ни создать автономный мир поэзии. Продолженной теперь становится линия, намеченная Карамзиным.

Литературоцентризм и антропоцентризм словесности XIX века тесно связаны между собой: мир не представлялся иным, чем его воспринимало сознание, иным, чем его воплощали художественные тексты. Так, по-видимому, чувствовал мир любой человек: он доверял своим органам чувств, своей (и писательской) мысли и как следствие — очень важное следствие — доверял тому миру, в котором, по его представлениям, он жил, в котором все со-обща жили. Но на исходе XIX века этот мир был взорван.

Неслучайно именно в начале эпохи модернизма возник горячий интерес к Бергсону, обывавшему подлинным лишь жизненный поток,

⁷ Вспомним афоризм Протагора, не забыв и его менее популярное продолжение: “Человек есть мера всем вещам — существованию существующих и несуществованию несуществующих” [7, с. 348].

постоянно смысывающий застывшие различные формы, и к Шопенгауэру, объявившему все то, к чему была обращена литература русского реализма, миражом, Фата-морганой. Эта философия сметала до основания тот мир, в котором бродил тургеневский охотник, где пела Наташа Ростова, где Родион Раскольников ставил свой чудовишный эксперимент. Все это вместе с самой бытовой жизнью оказывалось иллюзорным. Значимости человеческого бытия была противопоставлена ценность поглощающей его смерти и того, “чего нет на свете”⁸, чувственным восприятиям — “меоны”⁹. Антропоцентрическая картина упразднялась, на ее месте выстраивалась картина космологическая. Теперь это уже не был замкнутый универсум культуры XVIII века или автономный космос поэзии Золотого века. Литература претендовала теперь на реальное представительство Вселенной¹⁰, включая её трансцендентные зоны. Масштаб изображения резко сменился. Самый индивидуализм старших символистов, казалось бы, обращенный на личное Я поэта, в сущности призван был по-нищшеански превышать меру человеческого. И если футуристы отрицали драгоценную для символистов область трансцендентного, это не снижало ни их космических претензий, ни сверхчеловеческого масштаба, характерного для самосознания творца. По-своему причастны к космической теме и акмеисты, называвшие себя также и адамистами: “новый Адам” призван заново различить мир, лишь после этого в обретенном мире найдется место для лирического героя. Эта тенденция, намеченная в первых же манифестах, в равной мере отчетлива и в поздних стихах Гумилева, и в ранних стихах Мандельштама. Та же тема ощутима в творчестве так называемых реалистов Серебряного века. Космическим ритмом дышит художественный мир Бунина (см.: [14, с. 52–82]; [15]), к космической теме равнодушны Леонид Андреев и даже ранний, впечатленный нищезанством Горький¹¹. Показательно и стремление вовлечь русских классиков в орбиту космизма. Мережковский видит, как два мировых потока проходят через Толстого

и Достоевского¹², Вячеслав Иванов читает “Бесов” как мистерию, в которой участвуют Жених Небесный и Мать сыра Земля¹³.

Следующий большой период, озаглавленный, в частности, выдвижением социалистического реализма, можно считать эпохой *искусственной* реставрации реалистической традиции, куда менее взрывоопасной, чем модернизм. Но в то же время в ее торжестве можно видеть не только насилие победившей идеологии, но и очередной, вполне органичный реванш антропоцентризма. В 1924 году Горький писал Михаилу Осоргину по поводу глав из его романа “Сивцев Вражек”, во многом преемствующего “Петербургу” Андрея Белого с его откровенным космизмом: в вашей теме «скрыта опасность умаления и унижения человека, <...> ибо на фоне драм “космических” наши человеческие драмы как будто теряют свое значение. <...> Но — это взгляд человекопоклонника, “антропоцентриста”, который привык думать, что человек — ось Вселенной» [6, с. 67–68]. Это кажется вполне искренним высказыванием, и так же трудно заподозрить автора “Доктора Живаго” в том, что его возвращение к “мере человеческого”, к традициям классической русской психологической прозы было принужденным.

Психологизм — один из маркеров антропоцентризма — вновь исчезает из литературного поля в эпоху постмодернизма. Художественный текст снова эмансипируется от мира и без всякого напряжения устремляется в область виртуального. Это задано уже в одном из самых ранних русских постмодернистских текстов — в “Пушкинском Доме” Андрея Битова, который не только содержит главы под названием “Версия и вариант”, но и в целом построен так, что классические традиции — тургеневская, лермонтовская, пушкинская — служат версиями разработки одного и того же сюжета, воплощение которого целиком зависит от избранного языка, а он, в свою очередь, становится предметом самой серьезной игры. Постепенно литературная традиция становится общим резервуаром, откуда каждый пишущий черпает по мере надобности, и это обыкновение закрепляется понятием интертекстуальности, которое начинают относить к текстам любой эпохи. И таким же общим, общедоступным становится информационное поле. Необходимость перехода границы как древнейшего порождающего принципа почти упраздняется, принцип индивидуации

⁸ Цитата из получившего скандальную известность стихотворения Зинаиды Гippiус “Песня” (“О, пусть будет то, чего не бывает, / Никогда не бывает / <...> Мне нужно то, чего нет на свете, / Чего нет на свете” — [5, с. 75]).

⁹ Теория меонизма (от греч. μῆδον — несуществующее, небытие) изложена в книге Н.М. Минского “При свете совести: Мысли и мечты о цели жизни” (1890).

¹⁰ Описание мифопоэтической космологии символистов см.: [17].

¹¹ О нищезанстве раннего Горького см.: [2, с. 511–517].

¹² См. книгу Д.С. Мережковского “Л. Толстой и Достоевский” (1898–1902).

¹³ См. “экскурс” Вяч. Иванова «Основной миф в романе “Бесы”» (1914).

ослабляется, индивидуальное и общее стремятся к совпадению друг с другом. Характерно позднее высказывание того же Битова, сделанное через полвека после создания “Пушкинского Дома”: “Человек — Космос, он должен быть частицей всего. Вот тогда это маленькое ничтожное существо в какие-то секунды становится всем” [3]. По своему смыслу это высказывание прямо обратное тому, что столетием раньше Горький писал Осоргину.

Волна постмодернизма уже постепенно отходит в прошлое, хотя другая волна — та третья волна, о которой писал Элвин Тоффлер [16], волна информационной эпохи, сменившей две предыдущие, аграрную и индустриальную, еще не набрала полную силу, и влекомые ею удивительные перемены культурного пространства еще будут происходить. Они несомненно затронут и природу текстовой реальности, которая становится базовой внутри информационного поля, а оно, в свою очередь, из того, что когда-то мыслилось как надстройка, превращается в среду обитания.

В литературе последних десятилетий соблазнительно видеть прямую проекцию всего, что несет с собой информационная эпоха, которая и в самом деле очень многое определяет в литературном сознании. Но литературный процесс ничуть не менее зависим от собственной внутренней органики, подчиняющей его определенным ритмам. Один из них — описанный здесь ритм последовательного чередования периодов, которые можно условно обозначить как периоды антропоцентризма и космоцентризма. В первом случае организующим художественный мир началом становятся человеческие восприятия и человеческие связи, во втором — законы выстроенного культурой универсума, либо автономного, либо претендующего на тождество со Вселенной. Назовем самые основные черты, характерные для каждой из этих двух тенденций.

К периодам космоцентризма относятся XVIII век, Золотой век, Серебряный век, эпоха постмодернизма.

Советское литературоведение называло автономные миры, выстроенные в подобные эпохи словесностью, условными, руководствуясь тем, что они не сходятся с непосредственно воспринимаемой нами реальностью. Между тем как раз это определяет их безусловность, то есть претензию на большую истинность либо большую подлинность, чем не опосредованная литературой текущая жизнь. Лишь подымаясь над ней, вырабатывают истинные смыслы бытия и истории высокие жанры XVIII века. Лишь в автономном поэтическом пространстве, поэтическом космосе

Золотого века создается бессмертное искусство, осуществляется замкнутая на самое себя цель поэзии, свободной от любых жизненно-прагматичных задач, прежде всего — от принципа пользы. К свободе от бытового обременения стремятся модернисты, претендующие на выражение истины бытия. От миметического сходства с реальностью свободны дистанцированные от нее постмодернистские тексты (казалось бы, в них слишком много неразлучной с условностью игры, но это игра виртуальной реальности, *безусловно* вошедшей в нашу жизнь как ее особый, но уже вполне привычный уровень).

Главнейшим средством достижения самостоятельности художественных миров в эти периоды становится автономия литературного языка, не совпадающего с общеупотребительным. Таков высокий стиль XVIII века. Таков, как уже говорилось, поэтический язык Золотого века, но теми же качествами отличается и язык ранней прозы Гоголя, вне и помимо которого мир Диканьки просто не существует. А если писатель не наделен такой врожденной “иностранностью”, то его проза выделяется на фоне обычной речи хотя бы своей повышенной риторичностью, как у Бестужева-Марлинского, например. Свою систему значений формирует поэзия символистов, и уж просто кричащую самостоятельность обретает самовитое слово футуристов. Та же тенденция проявляется в прозе. Странность языка Платонова корреспондирует странности языка Гоголя, традиции орнаментальной прозы устремлены к целям, в чем-то родственными тем, которые ставит перед собой прозаическая риторика Золотого века. Что же касается литературы постмодернизма, то в поэзии, как и в прозе, ее неотъемлемое свойство — цитатность, то есть оперирование иным, чем бытовой, языком культуры, без знания которого восприятие ее невозможно.

К периодам антропоцентризма относятся карамзинский сентиментализм, реализм XIX века, реалистическая и даже соцреалистическая литература XX-го.

Выбирающая человека как меру всех вещей, литература в эти периоды сосредотачивается на жизни — душевной, социальной, религиозной, умственной, общественной¹⁴. Именно в эти периоды

¹⁴ В тургеневских романах авторская позиция, по замечанию В.М. Марковича, задана как позиция единичной личности, погруженной в общий с героями мир, способной понять изображаемое в пределах житейского восприятия людей и событий (см.: [10, с. 117–118]). Но и всевидящее око Льва Толстого — это лишь смена авторской точки зрения, которой открывается все тот же предмет: человек в его связях с другими людьми и природой (об антропоцентризме Толстого см.: [12, с. 822–857]). И даже “фантастический реализм” Достоевского с его архети-

начинает развиваться, а затем расцветает психологизм, поиски которого безнадежны в произведениях Пушкина или Гоголя, Мережковского или Андрея Белого, Сорокина или Крусанова. И каким бы грубым ни было представление о литературе как об отражении реальности, в эти периоды оно становится более или менее адекватным.

Понятно, что в периоды антропоцентризма литература не нуждается в языке, который выделил бы ее в особую, дистанцированную от жизни область. Какой бы ни была стилистическая разность между Гончаровым, Тургеневым, Толстым, Достоевским, все они по преимуществу остаются верны языковым значениям, совпадающим с общеупотребительными.

Последовательная смена описанных периодов, разумеется, не может быть продиктована чьей-либо индивидуальной волей, направленной на то, чтобы общее движение литературы шло именно таким способом. Раз за разом отвечая на смещение к одному из двух полюсов смещением к другому, культура, по-видимому, реагирует на собственные процессы как некий цельный организм, требующий, чтобы за вдохом шел выдох, за приливом отлив, то есть обеспечивающий внутреннюю саморегуляцию. А тот процесс, который был здесь описан, — лишь один из множества, определяющих жизнь этого организма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005.
2. Басинский П. В. Максим Горький // Русская литература рубежа веков: (1890-е — начало 1920-х годов). М., 2001. Кн. 1. С. 505–539.
3. Битов А. Г. Для чего время? Чтоб его тратить // Российская газета. 2017. № 7279 (113), 25 мая.
4. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. М.: Наука, 1977. Кн. 2.
5. Гиппиус З. Н. Стихотворения. СПб., 1999. (Библиотека поэта. Большая сер.).
6. Горький М. Полн. собр. соч.: Письма: В 24 т. М., 2012. Т. 15.
7. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М. Л. Гаспарова. 2-е изд., испр. М.: Мысль, 1986.
8. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

пической трактовкой характеров, с его религиозными темами сосредоточен — в еще большей мере, чем реализм Тургенева или Толстого, — на человеке как существе социальном.

9. Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 243–247.
10. Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30-е–50-е годы). Л., 1982.
11. Переписка В. И. Вернадского и П. А. Флоренского // Новый мир. 1989. № 2. С. 194–203.
12. Плюханова М. Б. Творчество Толстого: Лекция в духе Ю. М. Лотмана // Л. Н. Толстой: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 822–857.
13. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 13.
14. Сливицкая О. В. “Повышенное чувство жизни”: Мир Ивана Бунина. М., 2004. С. 52–82.
15. Сливицкая О. В. Человек Бунина как космос и личность // Время. Личность. Культура: Сб. научных трудов СПбГАК. СПб., 1997. С. 294–307.
16. Тоффлер Э. Третья волна / Пер. С. Барабанова и др. М.: Изд-во АСТ, 2004.
17. Ханзен-Лёве А. А. Русский символизм: Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб., 2003.

REFERENCES

1. Alekseeva, N. Iu. The Russia Ode: Development of Odic Form in the XVII–XVIII Centuries. St. Petersburg, 2005. (In Russ.)
2. Basinskiy, P. V. Maksim Gorky. *Russian Literature of Fin de Siècle: (1890s – early 1920s)*. Moscow, 2001. Book 1. P. 505–539. (In Russ.)
3. Bitov, A. G. Time What for? To Spend it. *Russian Gazette*. 2017. № 7279 (113), May 25. (In Russ.)
4. Vernadskiy, V. I. The Naturalist’s Reflections. Moscow, 1977. Book 2. (In Russ.)
5. Gippius, Z. N. Poetry. St. Petersburg, 1999. (The Poet’s Library. Big Series). (In Russ.)
6. Gorkiy, M. Complete Works. Letters: In 24 Vols. Moscow, 2012. Vol. 15. (In Russ.)
7. Diogen Laertskii. On the Life, Teachings and Sayings of the Famous Philosophers. M. L. Gasparov’s Translation. 2nd Ed., Rev. Moscow, 1986. (In Russ.)
8. Zorin, A. L. Feeding the Double-Headed Eagle: Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the XVIII — the First Third of the XIX Century. Moscow, 2001. (In Russ.)
9. Lotman, Yu. M. Canonical Art as an Information Paradox. *Lotman, Yu. M. Selected articles*. Tallin, 1992. Vol. 1. P. 243–247. (In Russ.)
10. Markovich, V. M. I. S. Turgenev and the Russian Realistic Novel of the XIX Century. Leningrad, 1982. (In Russ.)

11. Correspondence of V.I. Vernadsky and P.A. Florensky. *New World*. 1989. № 2. P. 194–203. (In Russ.)
12. Pliukhanova, M.B. Creativity of Tolstoy: Lecture in the Style of Yu.M. Lotman. *L.N. Tolstoy: Pro et Contra*. St. Petersburg, 2000. P. 822–857. (In Russ.)
13. Pushkin, A.S. Complete works. Moscow, Leningrad, 1937. Vol. 13. (In Russ.)
14. Slivitskaia, O.V. “A Heightened Sense of Life”: The World of Ivan Bunin. Moscow, 2004. P. 52–82. (In Russ.)
15. Slivitskaia, O.V. The Bunin Man as Cosmos and Personality. *Time. Personality. Culture. Collection of Scholar Articles*. St. Petersburg, 1997. P. 294–307. (In Russ.)
16. Toffler, E. The Third Wave. Moscow, 2004. (In Russ.)
17. Khanzen-Leve, A.A. Russian Symbolism: The System of Poetic Motives. Mythopoetic Symbolism of the Beginning of the Century. Space Symbols. St. Petersburg, 2003. (In Russ.)